

Первая публикация: Белоусов С.В. Конвоирование военнопленных армии Наполеона в Поволжье // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия.– Самара, 2005.– №4.– С.80-86.

С.В.Белоусов

КОНВОИРОВАНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ АРМИИ НАПОЛЕОНА В ПОВОЛЖЬЕ

В статье рассматриваются порядок и условия конвоирования военнопленных армии Наполеона в России (на примере Поволжья). Автор отмечает, что основные тяготы выпадали на долю военнопленных при их конвоировании. При этом следует учитывать, что отношение к ним местного населения менялось от крайне негативного в 1812 г. до сочувственного и доброжелательного в 1813-1814 гг., а отношение населения в западных губерниях России, разоренных войной, было более враждебным, чем во внутренних областях.

[с.80] В современной российской историографии среди проблем, связанных с изучением истории Отечественной войны 1812 г., большое внимание уделяется положению военнопленных наполеоновской армии в России. В частности, появились публикации, авторы которых пытаются определить общее количество военнопленных, взятых в ходе боевых действий, проанализировать их финансовое содержание [1]. Однако вопросы, характеризующие условия конвоирования и размещения военнопленных, их взаимоотношения между собой и с местным населением, до сих пор не получили должного освещения. В настоящей работе предпринята попытка рассмотреть данную проблему на примере Симбирской, Пензенской и Саратовской губерний.

Первые партии военнопленных армии Наполеона на территории поволжских губерний появились в сентябре 1812 г. Об этом, в частности, сообщается в «Журналах» канцелярий губернаторов и казенных палат, а также упоминают в своих дневниках протоиерей саратовского Троицкого собора Н.Г.Скопин и самарский городничий И.А.Второв [2. Л.254об; 3. С.9,229]. Вскоре транспорты военнопленных, шедшие по дорогам поволжских губерний, стали чуть ли не обыденным явлением. Известный мемуарист I половины XIX в. Ф.Ф.Вигель, бывший в это время в Пензе, отмечал, что в октябре «в великом множестве начали, как говорил народ, пригонять пленных» и «поворотиться» в городе «было трудно» [4. С.63].

Военнопленные конвоировались в Поволжье по трактам Нижний Новгород – Саранск – Пенза – Петровск – Саратов, Тамбов – Чембар – Пенза – Городище – Симбирск и Тамбов – Кирсанов – Аткарск – Саратов.

Конвоирование было приостановлено из-за распространившихся болезней предписанием от 24 декабря 1812 г., а циркуляром от 28 января 1813 г. подтверждено, чтобы «все пленные без изъятия, оставлены были там, где повеление их достигнет и отнюдь **[с.81]** далее не были отправлены, впредь до особого распоряжения» [5. Л.18,20]. Оно возобновилось лишь

весной 1813 г., когда из западных губерний Российской империи пленные наполеоновской армии стали перемещаться во внутренние области на постоянное жительство.

Действия местных властей относительно военнопленных Великой армии основывались на циркулярных предписаниях, которые рассылались по губерниям от имени Главнокомандующего в С.-Петербурге С.К.Вязьмитинова, начиная с середины августа 1812 г. Основным документом, регламентирующим все вопросы транспортировки и расселения пленнх, было предписание от 29 августа 1812 г. за №239 [5. Л.4-4об]. В нем, в частности, отмечалось, что «для жительства пленнх, как нижних чинов, так и офицеров, назначены губернии Астраханская, Пермская, Оренбургская, Саратовская и Вятская». Они должны препровождаться по различным трактам военными конвоями, которые во внутренних губерниях могут быть сменены конвоями внутренней стражи.

В гарнизонных батальонах и инвалидных ротах, на которые ложилась основная задача снаряжения конвоев, был большой некомплект офицеров и «нижних чинов». Поэтому, зачастую, конвоирование военнопленных перекладывалось на плечи податных сословий. Так, командир Харьковского внутреннего гарнизонного батальона подполковник Шарапов 18 апреля 1813 г. доносил губернатору Слободско-Украинской губернии о том, что он не в состоянии выделить положенное количество людей для сопровождения пленнх и просил найти для этой цели «обывателей пристойное число» и от «гражданского начальства дворянских чиновников» [6. С.144]. Интересно, что во главе конвоев, пребывавших в 1813 г. в поволжские губернии, подчас находились уже не офицеры, а представители гражданской администрации, сопровождаемые не только «нижними чинами» гарнизонных батальонов, но и ратниками ополчения, и даже обывателями. Так, из шести конвоев, прибывших в Пензенскую губернию с июля 1813 по январь 1814 г., три возглавляли гражданские чиновники, а одну из партий сопровождало «тридцать человек из числа обывателей» [7-11].

По-разному складывались отношения военнопленных с конвоем. Следует отметить, что наибольшие лишения, выпадавшие на долю пленнх, и злоупотребления со стороны конвойных офицеров приходились на первое время длительного пути. Были случаи оскорбления и избиения «нижних чинов» казаками и солдатами конвоя, о чем, в частности, в своих воспоминаниях сообщает французский врач Ф.Мерсье [12. С.80]. «Казак нашего конвоя не осмеливались, правда, поднимать свою палку на нас, офицеров..., но зато они безпрестанно повторяли: «Сибирь! Сибирь!», и это зловещее слово поражало нашу утомленную душу сильнее всяких ударов» [12. С.90].

Конвойные офицеры из конвоирования военнопленных пытались извлечь определенную выгоду для себя. Они не хотели полностью расплачиваться с обывателями, перевозившими пленнх, мотивируя свои действия нехваткой денежных средств. Из-за чего нередко возникали споры и крестьяне порой даже отказывались предоставлять свой транспорт для

перевозки [13. С.194-195]. Польский поручик Ильинский жаловался губернатору Слободско-Украинской губернии на начальника конвоя, который присвоил часть его денег [6. С.146]. Солдаты, конвоировавшие пленных наполеоновской армии, продавали им предметы своего снаряжения и даже вооружения. Так, су-лейтенант 106-го линейного полка Л.Пино сумел сохранить в плену свои пистолеты. «Что ж касается до пороха и свинца, то ... все это купил у солдат, которые вели нас из Минска в Пензу» [14. Л.12-12об].

Наконец, между пленными и конвоирами существовал и языковой барьер, так как далеко не все русские офицеры могли изъясняться на французском языке, не говоря [с.82] уже о «нижних чинах». Обер-лейтенант 2-го вюртембергского полка линейной пехоты Л. фон Йелин, в июле 1813 г. прибывший на жительство в уездный город Саранск, писал, что их партионный офицер, «подпоручик ополчения Иван Михайлович», не только не говорил ни по-немецки, ни по-французски, но даже едва умел подписывать свое имя. «Поэтому свои желания нам приходилось выражать ему пантомимой» [13. С.189].

Местное население, особенно зимой 1812-13 гг., также относилось к военнопленным весьма враждебно. Л. фон Йелин позднее вспоминал, что первое время толпы крестьян встречали конвой обычным приветствием «Шельма француз! Француз капут!», а ранее проходивший транспорт «они даже забросали камнями и грязью» [13. С.192-193].

Положение менялось к лучшему во внутренних губерниях России, когда в качестве конвойных стали использоваться солдаты гарнизонных батальонов и инвалидных команд, большей частью из числа заслуженных ветеранов. «Они обладали, при всей своей суровости, – вспоминал Ф.Мерсье, – сердцем, доступным общечеловеческим чувствам, и умели, благодаря этому, совмещать исполнение своих обязанностей с истинной гуманностью» [12. С.89].

Условия конвоирования военнопленных также изложены в предписании от 29 августа 1812 г. Конвойным командам предписывалось, чтобы «пленным нигде ни от кого никакого притеснения оказываемо не было, но чтоб и они вели себя скромно и послушно, за чем иметь наблюдение, внушая им, что за дерзкое поведение одного, отвечают все они; а равно пресекать им способы к побегам и отлучкам» [5. Л.4-4об]. Побегі военнопленных были довольно частым явлением и имели место, практически, в каждом третьем транспорте. Так, штабс-капитан Милковский, сопровождавший 150 военнопленных в Пензу, 18 ноября 1813 г. доносил пензенскому губернатору, что в его конвое «при проходе ... чрез город Брянск ... отлучился поручик Сливрич 1-го пехотного кроатского полка и рядовой Женбуфа 13-го линейного полка, и при проходе чрез губернской город Орел отлучился же рядовой Пиржанжен» [10. Л.4-4об]. Начальник другого конвоя подпоручик Ряжского пехотного полка Расков сообщал в своем рапорте, что по прибытии его транспорта в Пензу один из военнопленных, а именно рядовой 11-го кирасирского полка Йозеф Саво, был судим за побег и наказан шпицрутенами [7. Л.51об].

По циркулярному предписанию, пленные должны были снабжаться одеждой и обувью «по времени года» и обеспечиваться лошадьми «на каждых 12 человек по одной обывательской подводе, для тяжело больных по одной подводе на двух человек, а под пленных офицеров на двух человек по одной пароконной подводе». В зависимости от чина пленным определялось денежное содержание и провиант. Заболевших предписывалось отделять от транспорта и «отдавать на излечение в городские больницы» [5. Л.4-4об]. В циркуляре от 19 ноября 1812 г. делалось дополнение о том, чтобы «одежду пленным доставлять прочную и от стужи оберегающую», но при этом соблюдая казенный интерес [5. Л.16]. В предписании содержалось и положение об одежде военнопленных в зимнее время. Отправляясь в путь, они должны были иметь шапку из простого сермяжного сукна, овчинный полушубок и сермяжный кафтан или армяк. Вещи должны были быть «обыкновенные крестьянские, а для поспешности снабдения хотя бы и не новые, но крепкие, к носке годные и просторные». Пленному также полагались обыкновенные новые крестьянские сермяжные штаны, рубашка, онучи, рукавицы с варигами и лапти. Обер-офицер вместо полушубка и кафтана по-возможности получал овчинный тулуп и сермяжную шинель [5. Л.17].

Однако реалии российской действительности оказывались далекими от предписаний из С.-Петербурга. В частности, снабжение пленными одеждой и обувью «согласно времени года» осуществлялось далеко не всегда, что в условиях суровой зимы 1812-1813 гг. [с.83] значительно повысило уровень заболеваемости среди них. Особенно страдали от морозов «нижние чины». Так, в рапорте Главнокомандующему в С.-Петербург от 22 октября пензенский губернатор князь Г.С.Голицын сообщал, что при осмотре партии, состоящей из 33 французских солдат, следовавших в Саратов, многие «не имели соответственной нынешнему времени одежды, а некоторые из них и сапогов» [2. Л.431-431об]. Начальник конвоя подпоручик Пучкин, сопровождавший в Саратов 236 «нижних чинов», 19 ноября рапортовал пензенскому губернатору, что «означенные пленные не имеют почти совсем чулок и лаптей» [2. Л.578-578об]. О неудовлетворительном снабжении военнопленных одеждой и обувью сообщали как представители различных слоев российского провинциального общества (протоиерей Н.Г.Скопин, городской голова г.Ростова М.И.Маракуев), так и военнопленные в своих воспоминаниях (например, находившиеся в Саратовской губернии доктор Ф.Мерсье, майор А.Кудре, инженер-лейтенант Ж.-В.Понселе).

Зимой 1813-1814 гг. проблемы с обмундированием военнопленных при их конвоировании сохранялись. Так, 23 ноября 1813 г. по прибытию в Пензу на жительство партии пленных из Рославля в количестве 143 человек, в том числе 8 женщин и 2 детей, полицмейстер Кравков доносил губернатору, что «на 34 полушубков нет», а «одежда и обувь ветхие» [10. Л.12-12об].

Питание военнопленных при конвоировании было весьма скудным и, к тому же, непостоянным. Во время остановок на ночлег пленные размещались в домах местных жителей, которые, сами испытывая нужду, подчас

отказывали им в пище даже за плату. Вюртембергский офицер Л. фон Йелин позднее писал, что в селениях на пути из Тамбова в Пензу пленные «почти везде на свои просьбы получали ответ: «нету» [13. С.70].

В условиях военного времени по трактам постоянно следовали различные военные команды, ратники ополчения, рекрутские партии. Они размещались постоем на квартирах местных жителей. Эта повинность тяжким бременем ложилась на плечи податного сословия. Необходимость размещения на квартирах еще и военнопленных, которые воспринимались в качестве врагов, лишь усиливали негативное отношение к ним. Так, саранский полицмейстер рапортовал пензенскому губернатору, что «по малому числу в городе Саранске обывательских домов все оные занимают квартирующим там 1-м пехотным казачьим полком [ополчения.–С.Б.]. В случае же прохода военнопленных и других команд размещаются оные по тем же самым квартирам, от чего и воины, и проходящие команды, и обыватели имеют стеснение» [2. Л.458-458об]. Вероятно, антифранцузские настроения среди населения подогревались местными властями и духовенством. Французы представлялись не просто коварными врагами, а богохульниками, осквернителями религии, рисовались мерзкими и омерзительными [15. С.59]. Из-за этого местные жители отказывали военнопленным не только в пище, но даже и в крыше над головой. Самарский городничий И.А.Второв отмечал, что в 1812 г., когда «все состояния озлоблены были до неистовства против врагов нашего Отечества, вместо квартир запирали их кучами в пустых сараях и амбарах» [16]. Схожие мысли высказывал и протоиерей Н.Г.Скопин, записавший в своем дневнике, что наряду с холодным климатом России, военнопленных «губит и ожесточение русских, кои, при перегоне их из одной губернии в другую, не пускают даже обогреться в избах, а загоняют в овчарни» [3. С.10].

Однако известны и примеры другого рода. Продвигаясь вглубь России, военнопленные все чаще ощущали благорасположение и сочувствие со стороны местного населения. «По мере того как мы подвигались внутрь страны и очутились в так называемой Великороссии,— писал Ф.Мерсье,— мы замечали гораздо больше сердечной мягкости по отношению к себе со стороны местных крестьян. Те из них, которые приближались [с.84] к нашим бивуакам, высказывали часто нам сочувствие, а иногда даже проявляли свое расположение и более реально. Женщины в особенности были жалостливы: простые крестьянки приносили нам свое платье, доставляли пищу и даже водку» [12. С.88]. Князь А.А.Шаховской описывает случай, свидетелем которого он стал, когда хозяйка избы, отведенной под постой военнопленных, «стоя на коленях, омывала раненую ногу пожилого полковника и, увидя меня, испугалась, вскочила и стала извиняться, что сжалилась над супостатом, который, чай, не по охоте оставил жену и деток» [17. С.256]. Далее он пишет о том, как «однажды в воскресенье, в самый час обедни, привели в Городню кучу нахватавшихся в плен разнородцев; случившиеся между ними кроаты нашего исповедания остановились и стали креститься на церковь по-нашему; их окружили крестьяне и, поняв из

славянского наречия, что они захватом взяты на войну против России, тотчас нанесли им папашников, пирогов, а ямщики просили позволения на своих лошадях подвезти их к Твери» [17. С.256].

Все же, в условиях неопределенности и неизвестности, оторванности от дома, неприятия со стороны местного населения, постоянной усталости, голода и холода среди французских военнопленных стали распространяться различные болезни. При конвоировании квалифицированную медицинскую помощь можно было получить далеко не всегда. Отсутствовали медикаменты. Пленный врач Ф.Мерсье вспоминал, что от их партии в 3000 человек, следовавшей от Вильны, в г.Кирсанове Тамбовской губернии насчитали всего 1200. Походную же аптечку ему удалось получить только в Сердобске, где больных военнопленных наконец-то отделили от общей массы и перевели в помещение «какого-то протестанского храма» [12. С.94-96]. Врач С.Пешке, занимавшийся лечением своих товарищей в Петровске, отмечал, что лазареты были заполнены главным образом людьми с тяжелейшими обморожениями. Но было и немало больных, страдавших от заболеваний кишечника и тифа [18. С.41]. В своих рапортах пензенскому губернатору начальники конвоев довольно часто сообщали о том, что должны были по ходу движения партий оставлять больных в тех или иных городах. Так, 15 января 1814 г. дворянский заседатель Инсарского земского суда Станевич доносил из Тамбова, что не может выступить в Пензу с транспортом военнопленных в 153 человека «по причине оказавшихся у них по перекличке ... неспособных к отправлению в поход за разными болезнями 57 человек» [19. Л.73-73об]. 26 января он все же прибыл в Пензу, но с партией всего в 106 человек.

Губернские власти принимали различные меры для того, чтобы избежать возникновения эпидемий среди местного населения. Так, пензенский губернатор 6 января 1813 г. предписывал пензенской градской полиции, чтобы «пленные для общей безопасности нанесения болезни не должны с жителями иметь никакого близкого сообщения и для того необходимо нужно по дорогам, где они проводятся, определить особые для их ночлегов и отдохновения дома и буде можно, то в некотором отдалении от общих жилищ не расставляя без разбору по квартирам с поселянами. Таким образом определенные избы, в зимнее время протапливая, всегда содержать теплыми, дабы пленные обогреться могли, а по выходе их тотчас отворять на несколько времени окошки и двери, дабы воздух перемениться мог и потом лавки, столы и прочее деревянное вымывать почаще уксусом или вместо онаго квасом, намочив прежде в нем мяту, и, наливая на горячий кирпич или камень так же можжевельником и самым можжевельным деревом; словом где что найти удобно, ставя притом в сих избах по углам на полу плоски или другую посуду с дегтем. Зачем и наблюдать в селениях старостам и волостным головам, внушая обывателям, чтоб они, оказывая пленным христианское призрение, сами береглись от близких с ними сношений и никакой одежды их на себя не надевали под опасением подвергнуться болезням» [20. Л.20об-22об]. [с.85]

Среди военнопленных возрастала смертность. Ссылаясь на воспоминания А.Н.Минха, Н.Ф.Хованский отмечал, что зимой 1812-1813 гг. в Саратовскую губернию по трактам через Аткарск, Сердобск и Петровск на обывательских подводах везли массу пленных наполеоновской армии. Много гибло этих несчастных от истощения, холода и болезней, оставляя по пути в селениях и городах т.н. «французские могилы» [3. С.247-248]. Н.Ф.Хованский определяет одно из таких массовых захоронений к востоку от Аткарска в лесном массиве «Засака». Эту местность местные жители прозвали «французской поляной» [3. С.247-250]. О высокой смертности среди военнопленных при их конвоировании писали, в частности, протоиерей Н.Г.Скопин, М.А.Волкова в своих письмах к В.И.Ланской из Тамбова, отмечали в своих воспоминаниях сами военнопленные [3. С.9-11,73,261,263; 12. С.84-87].

Таким образом, можно согласиться с утверждением Ф.Бокура о том, что основные тяготы выпадали на долю военнопленных при их конвоировании [15. С.58]. Неприспособленность к суровым условиям русского климата, состояние неопределенности и неизвестности, постоянная усталость, голод и холод, в целом негативное отношение со стороны местного населения, злоупотребления чиновников вели к распространению среди пленных болезней и росту смертности. Однако при этом необходимо учитывать, что отношение к военнопленным среди местного населения менялось от крайне негативного в 1812 г., что связано с восприятием их в качестве агрессоров, осквернителей религии и людей, виновных в сожжении Москвы, до сочувственного и даже радушного в 1813-1814 гг., что можно связать с перенесением театра военных действий на территорию Западной Европы, победами русского оружия, и особенностями русского характера. В этой связи уместно вспомнить разговор французского врача Ф.Мерсье с конвойным офицером по поводу жестокого отношения к военнопленным со стороны русского населения. Ответ русского офицера более чем интересен. «Дело в том,— говорит он, — что возбуждение против вас, французов, в данный момент настолько сильно, как среди русских крестьян, так и среди русских солдат, что мы почти беспомощны, если бы даже и хотели, подавлять проявления подобной ненависти. Ведь эти люди совершенно не понимают, как можно щадить людей, которые сожгли священную Москву, и в большинстве деревень, если бы появились пленные, они были бы прямо задушены, несмотря на присутствие конвоя» [12. С.81]. Кроме того, следует подчеркнуть, что отношение местного населения к военнопленным в западных губерниях Российской империи, разоренных войной, было более враждебным, чем во внутренних губерниях, где военные действия не велись.

Библиографический список

1. Любавин М. Пленные 12-го года // Нева.– 1987.– №9.– С.194-196; Иванов К.В. Система финансирования военнопленных 1812-1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы.– Бородино, 1997.– С.198-207; Бессонов В.А. Потери Великой армии в Отечественной войне 1812 года (к вопросу определения численности военнопленных) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография.– М.,2002.– С.167-187; Бессонов В.А., Тотфалушин В.П. Военнопленные Великой армии в Саратовской губернии // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года: Мат-лы Всерос. науч. конф.– Саратов, 2002.– С.163-176.
2. Государственный архив Пензенской области (Далее ГАПО). Ф.5. Оп.1. Д.440.
3. Хованский Н.Ф. Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года.– Саратов,1912.
4. Записки Ф.Ф.Вигеля.– М.,1892.–Ч.IV.
5. ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.419.
6. Потрашков С.В. Военнопленные Великой армии в Слободско-Украинской губернии // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы.– Бородино,1999.– С.143-149.
7. ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.458.
8. ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.459.
9. ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.461.
10. ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.462. [с.86]
11. ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.509.
12. Руа И. Французы в России. Воспоминания о кампании 1812 г. и о двух годах плена в России.– С.-Петербург,1912.
13. фон Иелин. Записки офицера армии Наполеона // Роос Генрих. С Наполеоном в Россию.– М.,2003.– С.158-205.
14. ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.489.
15. Бокур Ф. Пленные великой армии Наполеона в России в 1812-1814 гг.// 185 лет Отечественной войне 1812 года.– Самара,1997.– С.47-60.
16. Цит. по: Алексушин Г.В. Самара и самарцы в Отечественной войне 1812 г. // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года: Мат-лы Всерос.науч.конф.– Саратов,2002.– С.159-160.
17. Наполеон в России глазами русских.– М.: Захаров,2004.
18. Peszke S. Moj pobyt w niewoli rosyjskiej w 1812 r.– Warszawa,1913.
19. ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.463.
20. ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.480.

S.V.Belousov

THE CONVOY OF CAPTIVES OF NAPOLEON'S ARMY IN POVOLZHYE

The order and conditions of the convoy of captives of the Napoleon's army in Russia (on the example of Povolzhye) are represented in this article. The author notices, that the main sufferings fell upon the captives while their convoy. Incidentally it's necessary to pay attention to the fact that the attitude of the local population to the captives had been changing from extremely negative in 1812 to sympathetic and friendly in 1813-1814, and the attitude of the people in the western provinces of Russia, ruined in the war, was more hostile than that in the inner provinces.